

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЫ

Три ипостаси Эдди Рознера

Анатолий Агамиров

Мастер

НА ДНЯХ в Концертном зале "Россия" состоялась вечер памяти великого артиста.

«Белому Луи Армстронгу от черного сачмо Эдди Рознера»... Сачмо — джазовая кличка Луи Армстронга. Обозначает она нечто вроде раскрытого кошелька или портативной сумки. Более короткое значение — морда. Приведенная цитата — надпись на фотографии, которую великий негритянский трубач, певец, джазмен подарил своему европейскому коллеге Эдди Рознеру в знак восхищения его мастерством. Они вместе участвовали в международном джазовом конкурсе трубачей, где Армстронг занял первое место, а белый прототип Сачмо удостоился второй премии. Отсюда витиеватая надпись на фотографии. Для Рознера это была реликвия, с которой он, как и с трубой, никогда не расставался.

Вопросы в его судьбе многие моменты размыты, как на старинной фотографии. Например, где он родился? Для любителей джаза в нашей стране, для постоянных посетителей эстрадных концертов Эдди Рознер — поляк, польский еврей. Когда я познакомился с ним, а было это в 1954 году в Москве (Рознер только что вернулся из ГУЛАГа), и по-немецки он говорил без малейшего акцента, он даже как-то сострил: «Их бин ейхтер Прейссе», что означает: «Я настоящий пруссак». Но это, конечно, шутка. Есть предположение, что он родился в Германии, так, во всяком случае, утверждает его жена, известная польская актриса и певица Рут Каминска. Известно, что Рознер учился в музыкальной академии в Лейпциге, где занимался на скрипке, причем был вундеркиндом и давал сольные концерты уже с 10 лет. Там же, в Германии, вкусил «джазовую отраву». На трубе научился играть сам. Более того, как вспоминал, играл для себя, для забавы. Но как-то заманил заблужденного коллегу в джазе и сам «не излечился» до конца жизни.

У Рознера много ипостасей. Я выделяю три, с моей точки зрения, основные. Выдающийся джазовый трубач. Блистательный шоумен. Композитор с удивительным шлягерным чутьем. К этому надо добавить — очень хороший скрипач, преимушественно эстрадный. Актёр с отточенным сценическим поведением, конферансье с большим чувством юмора, аранжировщик, владеющий многими секретами джаза. Автор популярной музыки, прочно усвоивший традиции польских и немецких песенок. Позже к этому присоединилось владение советским шлягерным стандартом. Человек поразительного обаяния. Мужчина, перед которым женщины не могли устоять. Ловелас, безупречно владевший только джентльменскими приемами обольщения — неутомимый фантазер.

Последнее свойство сродни джазовым импровизациям Эдди Рознера. Он блестяще рассказывал. Здесь, если перефразировать известную поговорку, не все, что

Эдди Рознер, 1945 г.

говорил о себе Эдди Рознер, было правдой, но все сказанное было чертовски увлекательно. Безусловно, он был сложной личностью. Хотя некоторые сложности происходили от особенностей его биографии. Оркестранты, которых Рознер набрал в свой джаз после возвращения из ГУЛАГа, трудно принимали чисто западный стиль работы: никаких перекуров, никаких расслаблений. Со своими музыкантами Рознер мог быть добрым, даже приветствовать на короткой ноге, но в производственных конфликтах был жесток и упрям. На дисциплине настаивал буквально армейской. Сам работал до изнеможения и от других требовал того же. Он прошел смолоду бескомпромиссную борьбу на европейском джазовом фронте, не понаслышке знал, что такая конкуренция в мире, «где выживают только здоровые и сильные котята» (цитата из Луи Армстронга). Словом, в нашу джазовую жизнь, в нашу джазовую культуру приход Эдди Рознера принес то, чего ей не хватало, — блеск и профессионализм.

Уже первые концерты и пластинки, сделанные Эдди Рознером в Белоруссии (там он организовал свой первый джаз в Советском Союзе) свидетельствовали о том, что он переселил нашу «джазовую коммуно» на совершенно другой этаж.

Итак, я написал о трех творческих ипостасях Эдди Рознера. А еще в его жизни было три исхода. Первый — из Германии от фашизма в 1933 году. Второй — из Польши в 1939-м, причина — все та же. Эдди предпочел большевик как средство выживания и двинулся на встречу Красной Армии, входившей в Польшу. Он поселился в Белоруссии вместе с

семьей и с некоторыми своими джазистами, составившими костяк лучшего тогда в Советском Союзе белорусского джаза. Арестовали Рознера в 1946 году и отправили в сибирский лагерь. О причинах ареста судить по меньшей мере наивно: кого и за что крушила сталинская камнедробилка, установить и по сию пору весьма нелегко. Сам Рознер усматривал причину в слишком пристальном внимании к его джазу, к его личной жизни со стороны Берия. Однако люди, хорошо знавшие Рознера и работавшие с ним в тот период, утверждают, что Эдди сам себя перехитрил. Запутал процесс собственного возвращения в Польшу донельзя: отказывался получить советское подданство, в результате получил обвинение в нарушении паспортного режима.

В 1954 году его, переболевшего цингой, вкусившего все прелести советской лагерной жизни, вернули в Москву, где он тут же организовал джаз. Под крыло Эдди Рознера потянулась талантливая молодежь. Ему помогли белорусско-польские ветераны джаза, также вернувшиеся из мест столь отдаленных. Помощником Рознера по работе с оркестром стал только что окончивший консерваторию композитор, аранжировщик Юрий Саульский. Оркестр получился блестящий. По счастливой случайности автор статьи имел возможность слушать репетиции воссозданного оркестра под управлением Эдди Рознера на сцене клуба издательства газеты «Правда». Там была его репетиционная база. Там же состоялась премьера первой программы оркестра. В тот вечер, казалось, вся обожавшая джаз Москва ломилась в двери ампириного

клуба. Как только колонны выдержали! Особенно запомнилось начало концерта. Оркестр звучал еще за закрытым занавесом, потом, когда сцена открылась, обнажилась чисто «эллингтоновская» расстановка сил. Оркестр играл без дирижера, сидящий слева за фортепиано Юрий Саульский руководил процессом, а вернее, готовил выход самого Эдди Рознера, той самой таинственной звезды, о которой рассказывались легенды, восхождения которой Москва ждала и не ждала уже почти 10 лет. Мы, слушатели, упивались тембрами и гармониями, которые слышали лишь по джазовым программам «Голоса Америки» под аккомпанемент незабвенного голоса Уиллиса Кановера. Мы только шептались про себя: «Значит, все это бывает на самом деле». Потом из левой кулисы в луче прожектора появилась сверкающая труба, только труба. И затем легкой боксерской походкой, словно на ринг, к оркестру вышел Эдди Рознер. В зале творилось что-то невероятное. Публика от восторга выла. Тонус концерта получился такой, что снизить его не могли даже некоторые посредственные композиции, которые были просто необходимы для товарищей из репертуарной комиссии. Впрочем, они не дремали. И сразу же во время триумфального шествия Эдди Рознера и его оркестра по нашим эстрадным концертным сценам ему предъявили обвинение в слишком западном звучании и американской манере солистов-импровизаторов. К слову сказать, оркестр собрал действительно лучшее, что тогда было. Солистки-вокалистки Капитолина Лазаренко, Нина Дорда, саксофонист Геннадий Гольдштейн, барабанщик Борис Матвеев, конферансье Гарри Гриневич. Но в центре внимания, конечно, сам Эдди Рознер, которому и цинга не помешала сохранить исполнительскую форму. Он — непривычно для нас — свободно импровизировал в чисто джазовой манере, причем способ звуковывлечения напоминал и Армстронга, и Гарри Джеймса, а переходы от пассажира к пассажиру носили чисто скрипичный характер. Кстати, во многих программах он играл на скрипке тоже. Рознер уникально выглядел на сцене. Он двигался с хореографической элегантностью, а излучаемая им энергия заражала зал столь сильно, что успех любого концерта был заранее предрешен. Но возраст и сложности в отношениях с людьми, не привыкшими к интенсивной работе, делали свое дело. Кроме того, Рознер устал от репрессивности с нашими идеологами, которые считали, да и по сию пору считают джаз порождением «чуждой нам культуры». Так состоялся третий исход Эдди Рознера. Он вернулся туда, откуда выгнали в первый раз, — в Германию. Произошло это в 1974 году. Там Рознер играл от случая к случаю, больше занимался шоу-бизнесом, чисто административной работой. Там он и скончался от сердечной недостаточности, так и не доехав до Бразилии, где собирался создать совершенно новый джаз-оркестр — характерный финальный аккорд для «адвентурной» судьбы замечательного музыканта и артиста.